

Сергей КУКЛИН

ПОПУТНОГО ВЕТРА

Рабочий день начинался для Светы весьма привычно. Проверила наполнение баллонов и усмотрела, что в одном, с выдающимся названием «Баварское» напиток едва дно прикрывает. Наполнила опроставшуюся бадью «Жигулёвским» с газом, а бумажку с названием менять не стала. Здесь особых знатоков не водится, а так забавней, когда уморённый похмельем тип выговаривает это слово, прилетевшее из европейских краёв. Желая, дескать, «баварского», надоели «жигули». По вкусу и качеству пены они не отличались. В десять часов отворила парадную дверь: пожалуйста, господа, извольте подлечить свои повреждённые мозги. Субботнее утро всегда начиналось ручейком покупателей с отчаянной надеждой в глазах.

Получив от Светы желанную пластиковую бутылку, некоторые страдальцы испытывали лекарство в трёх шагах от торговой стойки, прислонившись к стене, конфузливо отхлёбывая из горла. Взглядом извинялись за несдержанность. Дескать, сил нету ковылять домой или до ближайшей пролазной щели между гаражами. Света не упрекала вслух и не осуждала молча – она стояла выше всей этой канители. Достоинно играла роль спасительницы утренних мучеников. На излёте прошедшего века, получив школьный аттестат, помчалась в недалёкий Новосибирск поступать в театральное училище, но не сложилось. Других попыток уйти в лицедейство у неё не произошло, но сейчас, зарабатывая пивным разливом, она совершенно незаметно для окружения украшала своё скучное житьё солнечными концертами, комедийными сценами спектаклей, когда-то виденных, и начинала двигаться за стойкой, словно актриса на сцене. Не зря, значит, над обычным пивным ларьком теперь прописано: «Салон разливных напитков».

Первым перед ней объявился утомлённый водкой сутулый доходяга, укрывший своё тело потрёпанным осенним пальтецом, несмотря на серьёзный мороз. Пришло время, когда он в натуре стал яко наг, яко благ, и никому не жалуется скудостью своего живота – всё естественно. Долго считал мелочь, вытаскивая её щепотками из неведомых карманов, а может быть, и из тайников драной подкладки. Хватило почти на полтора литра «Барнаульского». Света после чудодейства с краном величаво выставила перед его носом полную бутылку, словно Дульсинея, оценившая по достоинству добравшегося до неё наконец-то рыцаря печального образа. Идальго, не замечая эдакой милости, отстранённо отхлебнул из пузыря у противоположной стены и исчез. Свету эта суетливость не огорчила – она летала в ином пространстве.

Тонкое, светлое лицо, белые от природы волосы, закрывающие уши, но оставляющие для любования нежную шею – такое изящество приурочено вовсе не для примитивных подмостков с декорациями кабацкого водевиля, для другой постановки, с наполнением сценического воздуха терпкими ароматами душевных страстей, которых она и не помнила. Впрочем, выдающиеся

события случались. Вот и нынешний день стал для неё тем самым безумным днём, над которым насмешничал Пьер Огюстен де Бомарше. Запела, затанцевала Сюзанна, не первый век веселящая зрителей по причуде жизнерадостного француза.

Представление совпало с появлением в салоне Михаила, уморённого последними дурными километрами. Тайгу и тундру на этот раз не топтал, болтался по городу, навещая своих отзывчивых друзей, разделивших с ним удовольствие в совместно опустошённых бутылках с зельем. Такое утешение, безусловно, закончилось тяжким ощущением беспросветности и личной ничёмности. Надеясь хотя бы временно вывести мозг из угнетённого состояния, добрался до нужной точки и увидел в безлюдном пивном закутке редкостное женское создание, парящее в танце, с шеренгами разливных кранов за спиной. Словно заскучавшая актриса заполняет выпавшее на её долю пустое время вольной импровизацией.

Обнаружив перед собой новое лицо, Света преобразилась в продавщицу и, как положено, спросила, что посетителю угодно. Лицо у него ожило, он спросил любого пива, какое подаст хозяйка – он примет из её рук всякое.

Согласие пришло само собой и, положив в сумку то, что нужно на сей день, Миша с сожалением понял, что пора отчаливать. Света неожиданно для себя пожалела, что зритель уходит. Он вышел, она возобновила свои роли на невидимой сцене. Изящные движения наедине с собой никто теперь не видел.

Пока брёл до своего недалёкого жилища, в нём зародилась мысль, что сегодня состоялась встреча, которая станет поворотной на его пути. К тридцати прожитым годам он догадался, что все центральные события в жизни ожидаемы. Неожиданно происходят только мелкие, попутные эпизоды. Подтверждений находилось множество. Вот и сейчас он не помнил, сколько влил в себя пива и делал ли это вообще, зато неведомый доселе прямой взгляд зелёных девичьих глаз светился в его мозгах внезапно обрётённой дивной картиной. Ещё вдруг вспоминалось, как к восемнадцати годам стал ожидать повестку из военкомата и все последующие за этим дела. Надевши солдатскую форму, точно знал, когда вновь сменит её на гражданские штаны.

На службе, слушая иногда солдатскую трепотню некоторых однозвонников о любовных похождениях на гражданке, был уверен, что сам непременно откроет эту книжку, пусть попозже. Уже дома, на дне рождения сестры, углядев налитую фигуру её подруги Вальки, услышав приятные речи из пухлых губ, понял, что вот она и есть его первая женщина. Так оно и случилось, без особых забот и последствий.

Потом он ожидал, что, получив диплом геолога, начнёт строить семью с девушкой Катей, потому, что именно в ней привиделась первая любовь. Как оказалось, ненадолго. Значит, поступок получился каким-то дефектным.

Текущий день после видения танцующей барышни за пивным прилавком выбраковывать остерёгся. Скромный опыт подсказывал, что, если влить в себя добытое снадобье, конечно, полегчает, зато удвоенное похмелье перенесётся на следующий день и далее, пока деньги совсем не выйдут, а суровая ситуация заставит терпеть вдвойне, а может, втройне, никто этого точно не знает. Слил пиво в раковину и до темноты, развалясь в кресле, читал Войновича.

Нашёл с ним общий язык и утеху для мозгов, а значит, и для всего организма. Когда захохотал над очередными причудами Чонкина, понял с облегчением, что пришло неожиданное выздоровление.

Светлане в это время стало тускло и лихо. Её посетила почти трезвая хозяйка заведения, высокая женщина с телосложением волейболистки, и со спортивной категоричностью сообщила, что салон на этой неделе закрывается по неким причинам. В понедельник Света получит расчёт и свободу в творческом поиске нового рабочего места. Последнюю пятилетку подобные заботы её не напрягали и вот опять навалились на её отвыкшие мозги и слабые плечи затаившейся актрисы. К десяти вечера наступил предел пивному разливу и сценическим играм, но не было границ Мишиным планам, поэтому при выходе Светы из ларька они встретились. Для неё неожиданно, а для него эта встреча была предопределена у подножия лестницы, ведущей в студию одной актрисы. Она услышала вдохновенную речь о том, что он осмелился стать её спутником, когда понял, что их диалог неизбежен, как сияние утренней зари, как появление облаков перед дождём. Девушка нечто подобное слышала лишь на спектаклях местного театра, поэтому совместной прогулке не противилась. Познакомившись, двинулись пешком по тротуарному рельефу до пятиэтажки, где Света от рождения жила с мамой, недавно оставившей её в одиночестве, удалившись искать встреч с родными и близкими в мир иной. Света печалилась, потом пыталась построить собственную семейную жизнь. Побывав с избранником в одной постели, не нашла в себе плотской потребности ощущать тяжесть его тела каждую ночь, чують запах его подмышек и любоваться, как он причмокивает за ужином над кружкой чая. Казалось бы, что парень соответствует всем запросам молодой женщины для превращения его в мужа, но ей пришлось терпеть, наблюдая движения его рук и туловища в процессе раздевания или одевания, и она прекратила эти занятия, оставшись опять одна посреди беспокойного городского озера. Опасные гормональные штормы преодолевала на своей театральной лодке.

Миша был озабочен, как ему выглядеть обаятельным, надёжным и умным мужчиной, то есть так или иначе играть роль перед женщиной, смешивая свой реальный характер и некий положительный образ. Она непроизвольно городила вокруг себя защитную словесную стену, пытаясь укрыться от посягательств пока незнакомого типа. Играли какие-то роли, даже для себя не совсем понятные.

Обоим стало много проще, когда лабиринт разговора привёл Мишу к общению, что он находится в великой печали, потому что возможность видеться с ней обрубается топором обстоятельств через несколько дней. Это сейчас он вольно гуляет по городскому асфальту, а через пару недель разведёт костёр на берегу замёрзшей речки Цицы, притока Витима, чтобы согреть себя и буровиков, и там уж таких приятных прогулок не получится. Это песенка вроде утешает: «А я еду за туманом...», а в натуре приходится пробиваться от одной скважины до другой на вездеходе по заснеженным буреломам и бурекам. Впрочем, «за мечтами и за запахом тайги» придумано и спето очень даже здорово.

Здесь их жизненные ручейки обрели свои природные русла, и обоим стало так легко и славно вместе, что разбежаться не потянуло, когда дошли до её

подъезда. Довольно долго топтались у дверей, и она вдруг поделилась с Мишей своим сегодняшним расстройством по поводу зарабатывания средств на хлеб насущный. Он задумчиво почесал макушку под вязаной шапкой, однако пользоваться моментом и навязываться в гости для утешения не позволила мужская порядочность, до сих пор не вытоптанная. Иначе было бы слишком мелко и досадно.

Ночью, в одинокой постели, в мучительной полудрёме, думая о замаячившей перед ним женщине, он вспомнил, что в Бодайбинской партии, куда ему скоро возвращаться, нет сейчас поварихи. Уехала прошлым месяцем домой. Мужики варят по очереди похлёбку и посуду моют каждый за себя. Тяжкую ночь кое-как одолел, будто болотину сплошную, зато утром почувствовал себя бодрым и ухватистым мужиком, знающим, как помочь барышне, сомневающейся в надёжности своего завтра.

Он ещё не понимал, любовь ли это, а если та самая любовь, может ли она быть бескорыстной, без претензии на взаимность. Или обоюдность и есть нормальная радость, ведущая не только к деторождению, но к этому счастью, о котором он с детства слышал, с той поры, когда начал понимать речи, затрагивающие какие-то дела помимо кормёжки и одёжки. Позже, освоившись на взрослой лужайке, он непринуждённо врубился, что этими таинственными понятиями перенасыщено всё, чего люди натворили. Любовь и счастье всегда были одновременно целью и причиной человеческих поступков и славных, и срамных. До сих пор не разобрались, и вряд ли потом объявится умник, способный внятно и доступно всё это объяснить желающим и недоумевающим.

Наступившим воскресным утром он так усердно не думал о своей натуре. Эти мысли редкими огоньками мигали в рассудке, пока он глотал крепкий кофе, звонил начальнику экспедиции, выясняя, когда ему точно в путь-дорожку, и заодно – кто сейчас варит супчики и кашики братве на поляне между речками Ципа и Мама. Узнав всё, что нужно, перестал отвлекаться на философскую заушь. Теперь Миша впрягся в решение конкретной задачи: как убедить Светочку покинуть Томск и двинуться на следующей неделе вместе с ним в дальние края.

Он верил, что всё для них прояснится, когда он начнёт делать реальные шаги, приближающие его к Светочке. Во время вчерашней прогулки обращался к ней любезно и обходительно – Светлана. Сегодня заметил за собой странность – мысленно, про себя, называть девушку, с которой больше не виделся, совсем по-свойски: Светочка. Не удержавшись, к вечеру отправился к ней и обнаружил опущенные на входную дверь жалюзи – явный признак, что заведение уже не работает. Как теперь её искать, он не знал. Никаких координат вчера не выяснил. Был известен лишь подъезд в пятиэтажке, где вечером попрощались, значит, нужно вставать на пост и ждать её появления.

Так и сделал, а потом торчал у этого подъезда до темноты, наступившей по-зимнему довольно скоро. Мороз крепчал, ноги мёрзли, материл себя за легкомыслие и разгильдяйство – отправляться на такое серьёзное дело в городских ботинках, а не в надёжных чунях, скучающих в прихожке. Дом этот находился невдалеке от ГРЭС, и он позавидовал двум солидным трубам, увенчанным красными лампочками, торчащим перед ним, как строгие постовые.

Фамилия Светы неизвестна, значит, обходить квартиры бессмысленно. Входящих и выходящих людей не наблюдалось, а когда он с подготовленной речью обратился к спешащей внутрь дома дамочке с собачкой в нарядной одежде, тётка ускорила шаг и каркнула мужским голосом:

– Отвяжись, ничего не знаю.

Миша одурел. Оказывается, в голубых штанах, обтягивающих ягодицы, усакал вверх по лестнице парень. Вот так – он уже не отличает баб от мужиков. Или это стало нормой в некоторых слоях городской публики: женственные юноши и мужественные девицы. Расстроенный, побрёл отогреваться в свои стены.

Следующие два дня зависал над геологическим отчётом в конторе экспедиции, обосновавшейся в трёх километрах за городом. Людей туда-сюда возил служебный автобус. Занятый делом, почувствовал себя бодрей и свободней, однако каждый вечер ноги несли его к запертому салону. Только убедившись в постоянстве ситуации, отправлялся домой ужинать сваренным с запасом на несколько дней борщом и осваивать следующую книжку Войновича, открытого в последний год. Сейчас его забавляли дела Аглаи Ревкиной – неукротимой тётки, выскочившей из бессмертного «Чонкина» и добравшейся до эпохи развитого социализма, в которой любознательный читатель сам пожил в свои юные годы.

В среду довелось уехать в город раньше, и на площади Южной свершилось неожиданное событие. Шагал к нужной остановке, наблюдая бесплатное представление, как привлекает прохожих в кафе огромный картонный стакан с человеческими руками и ногами. Раньше такого никогда не видел, и не шибко напрягали фокусы рекламщиков. Проходя рядом, с любопытством поглядывал, как стакан приплясывает под звонкие ритмы фламенко, и услышал своё имя, торжествующе пропетое знакомым грудным голосом:

– Ми-и-иша-а! Я тебя-я-я ви-и-ижу, а ты меня-я-я не-е-ет!

Справившись с оцепенением, он понял устройство оригинального костюма и, глядя в дырочки, проделанные для глаз, выговорил:

– Света, здравствуй, я тебя наконец-то нашёл. Мне бы слово тебе сказать, только трудно на этом карнавале. Могу рядом поплясать, хотя раньше и не пробовал.

Света, отсмеявшись, ответила:

– Заходи в кафе, пока пьёшь чашку кофе, я стану человеком и рядом присяду.

Всё у них получилось. Он цедил чёрный кофе, её дожидалось пирожное и кофе с молоком. Чашки не успели остыть, как она присела за столик напротив него. Свитер и джинсы прибавляли ей особливости полевой женщины. На Мишу вдруг налетела волна дерзости без сомнений и колебаний. Не успела девушка прожевать пирожное, как он выговорил свою мысль:

– Светлана, не сочти за нахальство, но я осмелюсь сообщить, что у тебя появилась возможность заработка на прокормке геологов в таёжных условиях.

Она едва не поперхнулась от услышанного, он подождал, пока её дыхание восстановится, и продолжил речь.

– Не с того я начал, ты уж извиняй. Всё проще и серьёзней. Мои мужики сейчас морозят носы в Бодайбо – это на границе Бурятии и Якутии. Оконту-

риваем золоторудное месторождение. Лихо приключилось: остались трудяги без поварахи, и я надеюсь, что вы изволите согласиться на приготовление им супчиков и кашек.

Ошарашенная Света смотрела на него, не моргая, не опуская свою кофейную чашку на стол, и он понял, что она слов сложить в вопросы не может. Сама превратилась в сплошной вопрос. Миша разъяснил, как сумел:

– Всё оформляется, как положено. Здесь, в Томске, в экспедиции, в отделе кадров. С жильём продумано – обитать будешь в вагончике-бытовке, на пару с Ольгой, нашей геологиней. Это я на несколько дней по делам в Томск прискакал, а она там уже второй месяц безвылазно торчит. Никаких поварских курсов не нужно – и так сойдёт, у нас всё попросту. Похабства с мужской стороны не случится. Культура намного выше и строже, чем в городах и сёлах. По времени с месяц получится, зато увидишь заснеженную горную тайгу, тундру и беспредельное звёздное небо. В городе из-за промышленных испарений звёзд уже не видать и луна тусклая.

Замолкнув, продолжительно вздохнул, словно после трудов тяжких и необходимых. Света обрела способность говорить.

– Миша, я в диком недоумении. Как будто вот так, запросто, мне предложили космическую прогулку.

– Ах, Светлана, если изволите согласиться, завтра оформляетесь в конторе, послезавтра получаете проездные-командировочные, а в субботу в Новосибирске вместе сядем в поезд Москва – Нерюнгри и вперёд, за сиреневым туманом.

Как он образно говорит, как аккуратно глотает кофе в паузах, ей нравилось. Ощущение до сего момента неизведанное.

В автобусе, пока ехали до её дома, он рассказывал о себе, как после армии выбрал профессию, ставшую для него одновременно и целью, и образом бытия. Говорил тихо, стараясь не привлечь внимания окружающих, хотя такая вероятность была невелика. Почти все пассажиры клевали носами над телефончиками, и его разговоры никого кроме Светы не интересовали. Выговорил, сколько успел. Она одновременно и его слушала, и о своём думала: если останется на прежнем месте, в городе, завершённость её судьбы будет бесповоротна. Спектакли наедине с собой в другой пивнушке с декорациями из никелированных кранов, может, и потешные пляски на людях в рекламном костюме стакана или плюшевой игрушки. Иногда выход в театр в одиночку, иногда вынужденное, собой же оправданное согласие быть обласканной возникшим рядом, близким к культуре мужским экземпляром.

В однокомнатной квартире Светочка усадила его на кухне, и он рассеянно рассматривал стандартные шкафчики, чтобы через несколько минут ошеломлённо вытаращиться, увидев хозяйку в нарядном платье с ромашками на груди и с васильками по воздушному подолу. За кружкой чая разгрыз пару пряников и рассказал то, что нужно знать городской девице о морозных даях, куда он задумал её тащить. При расставании Светочка привстала на носочки и, легко обняв его за шею, молниеносно и крепко поцеловала в губы. Забубённый азарт сверкнул в её глазах: вошла в новую роль. На прощание выдала:

– У меня появились рюкзачные настроения. Теперь буду ждать день отъезда.

После такой внезапной награды сердце его усердно застучало, он еле шагнул во входную дверь, и пока топал по заснеженным переулкам до своего подъезда, в нём играли «Сказки венского леса», просыпающиеся в душе лишь в чудные мгновения.

Через четыре дня протряслись в служебной «Газели» и на Новосибирском вокзале влезли в купейный вагон. В пути их сопровождали двое работяг – бичей, нужных геологоразведке. Отличались смиренным поведением, дорожа своей удачей. Почти не матерились. На несколько месяцев им обеспечен тёплый приют и заработок. От них требуется лишь исполнительность и неприхотливость. Они даже портвейном в дорогу не запаслись и коротали время, обсуждая особенности бурения в вечной мерзлоте и скорое житьё-бытьё в тёплых вагончиках, а вовсе не в заброшенных подвалах-котельных. Там они спасались на трубах теплотрассы, а лежбищем служили им гнёзда из чесоточных тряпок. В прошлой жизни Сенька был главным инженером «Сибэлектромотора», а Петька ведущим конструктором оборонного приборного завода. Величали их, соответственно, Семёном Фёдоровичем и Петром Сергеевичем. Потеряв всё, что держало на поверхности жизненной реки, они, спившись, уходили на дно, в босячество. Вовремя вышел на них старый приятель, начальник экспедиции Суворов и вытащил из ещё не окончательно невозвратной глубины. Отмыл в бане, приодел в новую, тёплую «спецуху» и отправил на труды в Якутию.

Для Светочки путь до Северобайкальска поначалу был увлекателен. Она почти всё дорожное время просиживала у окна, наблюдая таёжное море и неожиданно возникающие в нём мерцающие огни островов сибирских городов со знакомыми названиями: Тайшет, Железногорск, Усть-Кут. Когда такой пейзаж притомил, подоспело время менять транспорт. В Северобайкальске перебрались в местный автобус, и справа от дороги возникло невиданное зрелище беспредельной зеркальной равнины Байкала с редкими ледяными торосами, торчащими из-под снежных холмиков-заносов.

В Бодайбо, взбодрённые эдакой картиной организмы с энтузиазмом устроились в поджидавший их «Урал»-вахтовку. Мише и Светочке уготовили места в кабине, другие попутчики вместе со встречающим товарищем уместились в будке, куда попутно загрузили нужные вещички. Дескать: мы потерпим, здесь недолго, мы почти дома. Так оно и было – часа через четыре выгрузились у вагончиков, стоящих полукругом на берегу замёрзшей речки с тёмной прорубью у берега. Народ, оказывается, здесь почти культурный. Сугробы не жёлтые от мочи – значит, местом для неотменяемой надобности не манкировали, соблюдали себя.

Место обитания Миши оказалось в том же вагончике, где предстояло жить Светочке.

Их ночёвки, как положено, были разделены фанерной перегородкой с дверью и занавеской до пола. С новой молодой поварихой закуток делила зрелая геологиня Ольга, как старшая, бдительная сестра. У Светочки, впрочем, никаких греховных помыслов не возникало. Её донимала необходимость освоить процесс кормления сборища из двенадцати человек. До этого момента приходилось кормить не более пяти желудков, и то не повседневно, а за праздничным столом, по редким датам. Там ответственности никакой. Гости опрокинут

в себя несколько рюмок и останутся довольны. Кому не досталось вдоволь салатов, потом подъест из своего холодильника. Здесь же нужно кормить так, чтобы у мужиков силы не истощались вместе с погружением колонковых труб в глубину скальных пород, а после пайки переодеться в резиновый фартук и такие же перчатки до локтей и посуду помыть.

Всё получалось как надо: и люди сыты, и кастрюли с тарелками блестят, только родилась мысль, что она увлеклась какой-то дурной авантюрой, наслушавшись речей обаятельного болтуна. Как-то вечером, когда безбрежный звёздный океан открылся в небесах и не слишком донимал мороз, она присела на ступеньку у двери бытовки-вагончика, рядом возник Мишенька, только что приехавший с дальней точки. Он показал, где на орнаменте небесного ковра можно увидеть узор затаившейся Большой Медведицы, и какая, из миллиарда звёзд называется Полярной. Она разволновалась от зашевелившегося в ней предчувствия, ощущения забытого сна, и чтобы превратить нахлынувшие невнятные мысли в практические заботы, оправдавшись холодом, поднялась и ушла на свою половину, где в одиночестве коротала эту ночь, потому что Ольга, потряхивая жёлтенькими кудряшками, укатила с буровиками куда-то в устье Мама, а может, на Витим. Когда объявятся, никто не знает. Здесь так. Перегородка напомнила о себе деликатным стуком, и жилища откликнулась. Появился смущённый Миша, до сей поры сюда заглядывающий только по совместным с Ольгой геологическим делам. Нынче нечто иное приманило. Сел на табуретку, опершись спиной о стенку. Сделали по глотку чая из белых эмалированных кружек, и Светочка доверчиво поделилась своими последними ощущениями:

– Мне вчера сон приснился – будто купаюсь в речке Мама, а она вовсе не замёрзшая, а от воды пар идёт. Потом ты мне помогаешь на берег выбраться. Укрываешь сухим одеялом, и мы босиком по снегу в вагончик бежим. Когда здесь одеваюсь и согреваюсь, то чую, что беременная, и теперь мне нужно выносить и родить свою и твою кровиночку.

Замолчала, заметив его смятенный взгляд. Озабоченно спросила:

– Я сумасшедшей стала?

– Ах, Светочка. Вещие сны рассказываешь, значит, разлучаться нам больше не придётся.

Он прижал её голову к своему плечу, и они, ничего не осмысливая, торопливо устроились на узкой лежанке, где и случилась между ними полная слитность до рассвета.

Дышали одним вздохом, сон их не брал, переживая обоюдную нежность, сознавая, что это чувство не пропадёт, не исчезнет между ними до самого конца блуждания по просекам и проспектам. Вот она, какая, оказывается, любовь бескорыстная. Они перестали ощущать себя одинокими.

Не только в эту ночь, а пока топчутся по земле. Домик строить нужно на двоих.

Когда в лучах якутского солнца озолотилась рассеянная в бытовке редкая зимняя пыль, пришлось подниматься для дневных дел. Душа его упрочилась, и стало радостно оттого, что теперь возможно вручить ей подарок: своё тугое, надёжное сердце, ещё вчера бывшее вялым и нерешительным. Одновременно

поняли, не обмениваясь словами, что неведомая сила наделила их тем самым мгновением счастья, которое больше не повторится, как промелькнувший хвост кометы, единожды увиденный в ночном таёжном мраке. Зато есть душевная надежда, что праздник продолжится. Сегодня решала работа. Шустро собравшись, Мишенька влез в кабину «Урала» и укатил на берег речки Ципа, на скважину, заверив Светочку, что вернётся через сутки. Взгляд её светился уверенностью, пока не потащились третьи сутки его отсутствия. Понимала: произошло что-то непредсказуемое. Узнала от буровиков, что сломалась машина, ночует бригада в вагончике, кормятся прихваченными запасами. Ремонтируют технику, не хватает каких-то железяк.

Бурильщик Федя, как-то забирая свои миски с ужином, глянул на её унылое, посеревшее лицо, решился ободрить женщину.

– Да, не убивайся так, Света. Всё путём будет. Мы на днях в тех местах тоже бурили и чуть ли не с поверхности нарвались на гранит палеозойский. Скала натуральная. Три дня двадцать метров долбили, пока нам другое, новое долото не подкинули. Михаилу Сергеевичу есть где ночевать и чего пожрать. Каждый день по спутниковому телефону с начальником говорит. Завтра им запчасти привезут, на днях встречайте удальцов.

Хотелось слушать утешительные слова спокойно и равнодушно, как и положено независимой женщине, но её взгляд оживился. Она доверчиво улыбнулась Феде и, оставшись одна посреди своих декораций из кастрюль и баков с жирными потёками, почувяла, что в ней зарождается доселе неведомая тоска по Мишеньке. Это уже не театральное представление, а натуральная забота с переживанием, пока быстротечным, как сегодняшняя шутейная метель, покружившая до полудня и сменившаяся солнечным небом. Приблизился смысл женской жизни.

Проснулось желание ночами слышать его вздохи, чують запах тела, а днём слышать речи. Одиночество пока не превратилось в болезнь, которую лечить нужно непременно, но худо ей точно стало. Облегчение после разговора с Федей она нашла наутро, услышав, как, завтракая, начальник партии Пугачёв договорился с водителями, что доставить Мише нужные железяки удобнее всего на паре снегоходов. Слух её весьма обострился, и она узнала, что сегодня снегоходы попрут с нартами, и местечко там для неё точно найдётся. Причина и повод есть – подкормить героев буровых работ по месту их геологических подвигов. Когда Пугачёв сунулся к раздаче за добавочной кружкой чая, она ему объявила:

– Емельян Иванович, вы бы меня отправили со снегоходом, буровикам свежего борща и компота в термосах подвезти. Здешних едоков тоже не обижу – оставлю на морозе три котла. Со щами, кашей и компотом. Разогреть всегда сможете, а завтра к вечеру я обратно объявлюсь.

Начальник изумлённо на неё вытаращился, но Света после паузы речь продолжила: – Мне нужно навестить ударников, потом всё поймёте.

Он кое-что понял и невозмутимо отвечал:

– Ну, делай, если так надо – место в нартах найдётся. Рулит Федька, я ему скажу, чего надо, а ты собирайся, а свои здешние котлы Сашке передай. Он три дня отдыхает от геодезии, пусть, значит, жратву греет. Я его вразумлю.

А ты, смотри, осторожней там. Под себя что-нибудь мягкое постели – ватное одеяло или телогрейку ненужную, не то булки свои на кочках поотшибаешь, а они тебе и ухажёру твоему ещё пригодятся.

Молодая порозовела от смущения, но вняла и вскоре тряслась в нартах, вцепившись в бортики. Удары снизу немного ослаблялись сложенным вдвое бушлатом. Нартами здесь прозывали пластиковое чёрное корыто, заваленное кучей груза, нужного застрявшим на берегу Ципы геологам. Позади, в пределах видимости, на таком же снегоходе, только без нарт, елозил долговязый механик Денис, на которого периодически оглядывался Федя или сама Света. В одиночку здесь, по снежной равнине, пробираться нельзя: мало ли какая оказия может случиться... Редколесье, окружающее жилой лагерь, незаметно исчезло, и вокруг простиралась натуральная якутская тундра, с присыпанными снегом кочками и ямами. Мелкие сосенки и ёлочки торчали одиноко. Света всё ощущала впервой. Раньше подобное могла видеть лишь по телевизору, в каких-нибудь познавательных программах, да и то в детстве, потому, что нынче подобное предъявляли очень редко. Чужими приключениями шибко не интересовалась: они не соприкасались с её существованием. Сегодня любую ямку и кочку чуяла своим телом, впервые в жизни вдыхая сухую морозную чистоту, наблюдая, как солнце освещает местность с высоты деревьев над горизонтом.

Снегоходы уверенно несли людей, оставляя за собой характерный рубчатый след – тропу. Зимние дни резвы. Когда солнце совсем склонилось к закату, успели до места, куда стремились. Недалече от жилого вагончика тарахтела буровая, горел костёр, вокруг которого на лапнике, застеленном брезентом, лежали или сидели люди. Процесс шёл – долото вгрызалось в кембрийский гранит, а терпение буровиков было беспредельным, как тундра. Снегоход встал. Светочка поднялась на занемевшие ноги, чтобы всех опознать, хотя тряслась весь день только из-за Мишеньки. Он объявился неведомо откуда, словно видение, учтиво подав руку для удобного выхода дамы из корыта. Она с удовольствием приняла услугу, и это не было игрой.

Приезд Светочки на снегоходе не удивил его, он воспринял событие обычным, бытовым. Ребята подсустились – выгрузили ожидаемые запчасти и Светочкины неожиданные термоса с борщом и компотом. Освободили полвагончика, разделив его неведомо где найденной шторкой, и все умялись на другой половине. А как иначе – к начальнику баба прикатила, надо потесниться, потерпеть немного. Миша, заметив эти переселения, невнятно ругнулся, но спать всё-таки улёгся в одном закутке с ней, на отдельном топчане. В голове заиграл любовный мотив, однако он его умирил. Не место здесь для плотских утех. В темноте шёпотом спрашивал, как она дорогу стерпела. Слушал её азартный рассказ о песцах и оленях, подсмотренных на снежной равнине, признание, что она верила в их сегодняшнюю встречу.

Впервые вслух назвали друг друга Светочкой и Мишенькой, и это произошло естественно, без удивления. Хотелось укрыться одним одеялом, и с трудом себя умирили. Если решили, что здесь нельзя, значит, так нужно. Утешились, что ещё будет у них времечко и местечко для телесной нежности, и вздремнули. Подсобила дневная усталость, оказавшаяся полезной.

Долгое северное утро незаметно перешло в быстрый день. Тусклый и полезный. Миша пристроил по делу железяки, приехавшие между ног Светланы. Она наварила похлёбки для всей оравы на грядущие пару-тройку суток, а когда Федя объявил, что домой пора, погладила по щеке своего мужчину, уместилась в привычном гнезде и, налюбовавшись заснеженной тундрой, в сумерках хозяйничала в своей базовой кухне. Замутила тесто-опару на завтракный хлеб, увидев, как за ужином мужики терпеливо грызут сухари. К персональным театральным действиям больше не влекло – хватало с избытком настоящих событий.

Через несколько дней возникла из ниоткуда геологиня Ольга – прямая и негнущаяся, словно колонковая труба, которой всё нипочём. Для достижения цели несущественно, что вокруг: погодная жара или вечная мерзлота в скважине. Сейчас её главной целью стало привлечение Миши к себе. Их давние дружеские и профессиональные отношения, вдруг приспичило перестроить так, чтобы он неудержимо захотел её тепла и тела. Время, видать, подоспело. А он привёз повариху Светку, которую, по слухам, и ласкает порой. Может, вовсе и не по слухам, а наяву, поскольку у этой кухонной дамочки всего женского хватало с избытком. Сравнима разве что с «Купальщицей» Венецианова, а не с буровой трубой. Женское чутьё подсказывало Ольге, что сперва нужно соперницу заклить, а потом самой браться за дело. В ней поселились тоска и желание, ранее неведомое. По технологии – площадку расчистить от снега и хлама, после этого можно и забуриться. Она была и будет женщиной, но сегодня случилась затаённая схватка.

Как бы невзначай, за вечерней кружкой чая, она доверила Светлане, как подруге, тайну своих цветочных отношений с Мишей. Будто они не просто живут в мечтах о полной близости, но порой такую деликатную картинку воплощают в реальности, мгновенно используя изменение жёстких полевых условий в свою пользу. Мысли Светы заблудились в привычных предметах бытовки, а глаза без цели блуждали от одного до другого угла. Она молчком сидела на табуретке, крепко сжимая забытую кружку, иногда вздрагивая, словно от неожиданного мороза. Итогом интимной болтовни получились незаметные подвижки в её душе, которых Ольга не могла предвидеть: Светочка не разлюбила Мишеньку, а тихо возненавидела колонковую трубу. Бабыя интуиция подсказывала, что всё услышанное этим вечером есть лукавая выдумка. Она только потерялась в днях недели, да это и неважно. В поле часто никто с точностью не сможет заразить выдать, какой сегодня день: среда или суббота. Потом, в городах, чётко обозначается календарь, а сейчас выходные либо вообще не устраиваются, когда работа прёт, либо сами приходят, если дикая непогода или другие непредвиденные обстоятельства. Повариху это не касается.

Скоро в стойбище объявился Мишенька, отработавший свою Ципу, Светочка смотрела на его вдохновлённое лицо, подавая тарелки с ужином, и не находила в себе былой искренности – на дне души плескался некий мутный отстой. Славно улыбалась, насколько позволял отравленный рассудок, говорила задорно и приятно, но всё-таки появилась скрытая яма зла и фальши, мешающая безмятежно двигаться по выбранной тропке. Мишенька ощутил еле уловимую перемену в настроении своей женщины и замаялся: в чём причины? Так и не узнал – полевые дела вновь развели участников не состоявшейся

якутской драмы. Помусорив на базе, Ольга унеслась дорабатывать свой участок, а молодые обрели возможность спать вместе в одном закутке вагончика. В первую же ночь скверную ямку преодолели, даже не шибко напрягаясь, и после не вспоминали.

Другая передрыга, прочно связанная с тотальной телефонизацией планеты, вскоре подстерегла Свету. Двоюродная сестра Таня, на чей пригляд была оставлена томская квартирка, сообщила ей по сотовой связи о неожиданной опасности, нависшей над скромной жилплощадью. Недолгий Светин муж, имевший там прописку и даже ключ от двери, узнав о её долгом северном воляже, замутил какие-то обменные дела, и чем всё это закончится, бдительной приглядчице сейчас непонятно. Присутствие Светы как официальной владелицы сейчас просто необходимо. Много слов сказала Таня – недоуменных и упрекающих Свету за бесшабашность в отношении родительской квартиры. Сеанс связи завершился обещанием Светы вскоре объявиться и разобраться с этими странными делами.

Третий месяц топтала она вечную мерзлоту Якутии, и Миша договорился с томским начальством об отправке поварахи по житейской надобности в условия сезонной мерзлоты Западной Сибири, с последующим возвращением на обжитое рабочее место. Работы оставалось ещё на полтора-два месяца. Исхитрились доставить её в родные края самолётом из Якутска. Экспедиция оплатила. Так быстрее и солидней, нежели железной дорогой. Потрясение произошло в собственной квартире, где она встретила с полицейскими в загадочных хлопотах. Объяснили, что её родственница сегодня в полдень доставлена отсюда в ОКБ с ушибленной травмой черепа. Пожилой задумчивый дяденька в элегантном костюме и молодой румяный красавчик в полицейской форме строго заверили, что следствие на верном пути и скверные люди, изувечившие гражданку Корнилову, без сомнения обнаружатся и понесут заслуженное наказание по закону.

Она поехала на окраину города в больницу и нашла там свою сестрицу в палате-травмочке, уже пришедшую в сознание. Глаза мутные, губы распухшие от сильных лекарств, напичканных в тело. Плотная повязка на голове и рядом с койкой булькающая капельница на штативе. Речь невнятная, но слова разобрать можно. Света поняла, что озабоченная Таня открыла дверь своим ключом и увидела в квартире двух мужчин, нависших над бумагами, разложенными на столе. Одного узнала – это бывший Светкин спутник жизни Валерик, а другого раньше не встречала. Таня принялась громко выяснять, чем они тут занимаются, и получила от Валерика удар по темечку тяжёлой вазой. Больше ничего не вспомнилось. Видимо, квартирные дельцы убежали, не закрыв дверь. Бдительные соседи, услышав необычный шум, заглянули в приоткрытое жилище, и это закончилось «скорой» и больничной подушкой для повреждённой Таниной головы. Разговор оборвался, когда два крепких юноши в голубых костюмчиках под предводительством медсестры укатали больную на той же кровати, где она лежала, в операционную. С колёсиками оказалась кровать. Всё продумано и отлажено.

Ночевать Свете пришлось в собственной квартире – другого варианта не нашла. Долго маялась в дурной полудрёме, пока не всполошил звонок из те-

лефонной трубки, лежащей на стуле рядом с кроватью. Незнакомый мужской голос, изображавший дружескую озабоченность, советовал не вникать в текущие квартирные проблемы и поскорей убираться туда, где торчала последнее время. Иначе её здоровью станет много хуже, чем нынешнему сестринскому. Светлану не обидят, если она поведёт себя как послушная девочка и не полезет, куда не следует. Не послушавшись, она утром полезла в угрозиск. Принял её в своём кабинете уже чуть знакомый элегантный пожилой человек, оказавшийся следователем. Рассказала о ночном непонятном разговоре и спросила совсем по-дочерински, как быть дальше.

Его отеческим ответом стало появление вдоль стены троицы молодцов, среди которых она узнала Валерика, совсем недавно бывшего своим, нынче ставшего совсем чужим. Одет в приличный костюмчик, однако бурая щетина и растерянный взгляд парня, на дурняка заплутавшего в новом микрорайоне. Пыталась сказать официальным языком, освоенным в детективных фильмах, и вроде получилось:

– Крайний справа, в углу помещения, это Пахомов Валерий Геннадиевич. Мой бывший муж, с которым я в разводе с июня прошлого 2015 года.

Кому было положено, расписались в нескольких предложенных бумагах, и процедура закончилась. Все разошлись куда следует. Валеру увели в камеру, Света поехала в контору экспедиции, ставшей по-современному «офисом». Вновь пребывать в стенах, где чуть не убили сестру и подругу детства, духу не хватило. Объяснила, как смогла, свои дела начальнику экспедиции Суворову, явно озабоченному какими-то непонятными для неё проблемами, и он, выслушав этот рассказ, похоже, отодвинул их подальше, на пока, и даже оказался в довольстве, что стряпуха-молодуха ждёт от него помощи. Он подсуетился насчёт ночёвки в «общаге», рядом с «офисом».

Пожилая, дородная комендантша встретила Свету в фойе и, бегло глянув на её направление, скомандовала:

– Следуй за мной в конец коридора. На пару суток место найдётся.

В комнате с широкими полками хранились штабеля матрасов и подушек. В простенке скучала разложенная раскладушка. Тётенька по-хозяйски вытащила из шкафа стопку постельного белья и окончательно разъяснила:

– Меня зовут Анна Петровна. Ты сама, милочка, укладывайся. Всё это постирано, поглажено. Туалет и душевая напротив, за дверью с буквой «Ж». Все удобства, как в гостинице.

Наконец улыбнулась:

– Вот ключик. Когда будешь выходить, занеси его мне. Я живу в комнате номер три, в другом конце коридора.

Утомлённая последними бессонными сутками, Света спала долго и крепко. Утром заскочила в душевую, и мощная струя прохладной воды быстро привела её тело и мозг к бодрости. Съела припасённый накануне пирожок и позвонила в больницу. Хладнокровный голос регистраторши объяснил, что самочувствие больной Корниловой после операции с наложением скобок на затылочную трещину нормальное и нужно подождать несколько дней, чтобы проявились все отрицательные последствия. Пока не стоит особо переживать, могло быть значительно хуже.

Как и было обговорено вечером, отдала ключик деловой Анне Петровне и с дорожной сумкой пошла в соседнее здание для разговора с начальником партии. Объявила господину Суворову, что готова вновь добираться в Якутию, кормить геологический народ, а здесь, в городе, ей жизни нет. Она ничего не исправит, от неё ничего не зависит. Нужна будет – вызовут. Связь телефонная сейчас везде имеется, свои координаты кому надо сообщила.

Начальник уважительно глянул на сидящую у окна барышню – распределила всё как следует. Без женской паники и хандры. Нашёл, значит, Миша правильную бабёнку. Немного побурчал по внутренней связи, кому-то что-то растолковывая, и, кивая массивной головой, объявил:

– Сегодня к двум часам зайдёшь в бухгалтерию за своими командировочными. Твои декабрьские давно закончились. Завтра в восемь утра покатишь в Новосибирский аэропорт. Там в пятнадцать часов двадцать минут будет рейс до Якутска. Билеты на тебя и геолога Серёгу заказаны. Вместе полетите, чтобы не заскучалось. Путь неблизкий. Он читатель заядлый – может вслух книжку почитать, если желание такое будет. Всё уяснила? Ещё раз: в два часа дня чтобы здесь появилась, а завтра в восемь утра рабочий «уазик» помчит вас с Серёгой от общаги в Толмачёво, почти к посадочному трапу. Сами там оформитесь, чай, взрослые уже.

Усмехнулся напоследок по-доброму и на том прекратились заботливые наставления. Остаток дня у неё ушёл на неотменимые дела, а назавтра, как положено, летела над облаками в край, ставший нынче своим. Геолог-читатель Серёга, реально, весь путь земной и небесный листал книгу, но, глянув на обложку, слушать его чтение Свете не захотелось. Парень постигал учение православного философа Василия Розанова о смысле жизни, которое назвал «Цепь человеческой жизни».

У неё своих мыслей было невпроворот на эту тему – о неожиданном изгибе личной жизненной тропы, о связке телесной и душевной с Мишенькой. Откинувшись навзничь в самолётном кресле, под гул двигателей осознала, что её теперешнее состояние и есть натуральная любовь, потому что хочется не только своего удовольствия, но и уверенности, что ему сейчас хорошо и нет никакой беды. Тогда и ей будет по-доброму. Если всё-таки свалится на него горе-злосчастье, она всё сделает, чтобы это на двоих разделить. Вдобавок, её посетило неведомое доселе чувство, что она вынашивает в своём нутре дитя. Третий месяц пошёл, как с её организмом не случаются регулярные, привычные события, а сейчас, прислушиваясь к себе, она без врачебного осмотра, анализов почуяла, что в этом году станет мамой. Для разума неведомое состояние, а для бабьей сути предусмотренное, дающее свою, никем не объясняемую цель. Всё вокруг приобрело значимость, доселе неведомую. Именно для этого она и явилась на этот свет из материнской утробы и выросла полноценной женщиной, готовой дать жизнь и выкормить продолжение своё и человека любимого. Ещё в ней обитала уверенность, что всё с ней происходит как нужно. Она известит об этом Мишеньку, а он соорудит для неё надёжное укрытие от никчёмных передраг. Сомнений нет. Она и сама справится, не пропадёт, а коли сошлись на одну дорожку, значит, надо вместе держаться без колебаний. Розанова не постигала, спорить не с кем и не о чем – у неё своя ны-

нешняя правда. Вся жизнь на их шарике определена как следует, от таёжного клеща до мозговитого человека. Она скоро выносит в себе такого человечка и выкормит собственным молоком.

Притомившись чтением, Серёга нечаянно глянул на Свету и подивился вдохновением её лица, обращённым в иллюминатор, за которым кроме кучерявых облаков и редких синих просветов ничего не виделось. Значит, нечто своё испытывает, для него недоступное. Прилетев в Якутск, успели залезть в автобус и в сумерках добраться до Бодайбо. По телефону сообщили на базу о своих дорожных делах и получили от Пугачёва указание-пожелание дождаться машину на местном автовокзальчике до утра.

Заведение оказалось невеликим кирпичным домиком с амбразурой билетной кассы и не работающей камерой хранения. Отправились в ближайшую столовку, а вещи доверчиво сложили в угол, предупредив тётеньку в билетном окошке, что скоро вернутся и надеются на её бдительность. Больше никого в помещении не усмотрели, и уверенность в сохранности скарба казалась им обоснованной. Напрасно. Вернувшись сытыми, не нашли Серёгина рюкзака и сумки Светы с запасной одеждой. Зато уцелел мешок с железяками, которых дожидался механик, как праздника жизни. Тётка из окошка вяло выговорила, что вещи сторожить не обязана, а пока они где-то наедались, здесь маячили три мужика, билетов на автобус так и не купивших.

Свету и Серёгу теперь объединяла общая напасть, и мысли стали даже сходными. Узнали у первого встречного милиционера, где местное РОВД, и туда притопали. Рассказали о своих злключениях дежурному лейтенанту с круглым и прижмуренным якутским лицом. Внимательный и добродушный, он помог написать заявление с перечнем украденных вещей. Пока всё это оформляли, как положено, за окном стемнело, и возник новый вопрос: где ночевать? Тётка с автовокзала их предупредила, чтобы на их хоромы не рассчитывать. Последний автобус будет в одиннадцать вечера, а после всё запирается до утра.

Милиционер учтиво предложил занять нары в пустующей клетке. КПЗ называется – место для пьяных и временно задержанных правонарушителей. Эти апартаменты сегодня пусты и вряд ли найдутся претенденты в смирном городке. Люди, как положено, каждый вечер спать готовятся по своим домашним кроватям. Если сегодня выпившего доставят, дежурный найдёт закуток, куда такого безобразника на ночь затолкать. Переглянулись и закивали головами, соглашаясь на этот вариант ночёвки. Две просьбы-условия Серёга всё же высказал:

– Покажи, где здесь у вас туалет, и на ключ не запирай. Вдруг ты тихий озорник, мы же не знаем.

Платон, так звали дежурного, шутку оценил, посмеялся и бросил огромный ключ на стол.

– Это от двери КПЗ. Можете при себе держать, или сами закрыть. Там рука между прутьев пролазит и до замка достаёт с коридорной стороны. Я покажу, как это делается.

Путники отказались. Самим себя закрывать в милицейской клетке – просто бред.

Кража вещичек проезжих людей – это какое-то невиданное в здешних краях происшествие, вроде цунами, землетрясения или падения метеорита. Все знают, что такое где-то случается на Земле, но никто никогда этого не видел – очевидцев нет.

Платон им выделил относительно чистые матрацы, подушки и армейские одеяла, попутно успокоив насчёт вошек и клопов:

– Гадов мы вытравили три дня назад. У нас эти процедуры непереносимые и регулярные.

Другие вынужденные постояльцы, доставляемые местной патрульной службой, такой роскоши не знали. Серёга помог ему притащить всё из кладовки и побежал на автовокзал за оставленными там запчастями в мешке. Когда всё приволок, они довольно удобно устроились спать на застеленных нарах, каждый у своей стены, заляпанной раствором, словно кидали его когда-то с расстояния нескольких шагов, но выравнивать и заглаживать не стали. Договорились с душевным якутом, что он их разбудит в семь утра. Почти так и получилось, только подъём устроил другой дежурный, сменивший его на посту и получивший необходимые инструкции.

Рядом с кирпичной вокзальной будкой Света празднично узнала «свой» «Урал» с пыхтящим мотором. Около машины туда-сюда прохаживался Мишенька, притопывая от нетерпения и изрядного мороза. В тёплой кабине не сиделось. Сегодня ночью он сам сел за руль, чтобы ранним утром встретить их на окраине Бодайбо. Мёрзлыми губами аккуратно приложился к женской застывшей щеке, приобнялся с Серёгой и через несколько минут они катились по трассе. Рассвет здесь ожидался не скоро, и включённые фары помогали держаться в колее, не упускать частых, хотя и не крутых поворотов. Светочке хотелось сказать Мишеньке о важном изменении в её организме, но она терпела, потому, что рядом сидел чужой человек, посвящать которого в эти тайны неприлично. Рассказала лишь о покраже, случившейся на автовокзале, и посетовала, что она осталась без запасных одежек.

Миша решил тормознуться в Кропоткино, у тряпачного магазинчика. Там барышня купит себе нужные вещички. Когда узнал, где они ночевали, чуть не влетел в сугроб на обочине. Впрочем, находчивость оценил:

– Ну, отныне вы настоящие полевики. Как в старой песне: «Нам нет преград на море и на суше...». Даже в тюрьме нашли себе удобный уголок.

Светочка продолжила с грустной усмешкой:

– В Томске мои квартирные передраги уладились, только сестра Таня в больнице оказалась с ушибом головы. Кого надо посадили, а я тут на себе нечаянно испытала, что это вполне уютное местечко для ночёвок.

Они ехали на запад, в ночную темень, но рассвет уже маячил в зеркалах заднего обзора. Край неба над соснами расцветал оранжевым светом. Солнце напоминало людям о своём ежедневном, отрадном появлении. Светочка знала – пока в их жизни рулит Мишенька, всё будет как следует. Скоро она станет матерью, приложит к груди их дитя и станет его кормить своим молоком, а её суженый, ставши отцом, позаботится, чтобы тепло, сытость, а значит, и уверенность в завтрашнем дне не пропадали для его семьи.

По её мысленной причуде он сейчас управлял вовсе не тяжёлой машиной, двигаясь по болотистой лесотундре, а лёгким парусником, уносящим их в за-

предельные дали южных морей, и на горизонте отчаянные глаза увидят песчаный берег с кокосовыми и банановыми пальмами. Она верила, что именно так произойдёт.

7.07.2023 г.